

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

**ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА**

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1 9 3 1

ЛЕНИНГРАД

Оду «Клеветникам России» мы назвали бы теперь «агиткой». По соглашению, быть может, и молчаливому, Пушкин выполнил заказ правительства, точнее заказ самого Николая. В этом ярком произведении барабанной поэзии нашли точное отражение империалистские и шовинистические взгляды русского правительства, но замечательно вот что: заказчик не дал широкого распространения оде Пушкина. Она была напечатана в военной типографии только по-русски, в ничтожном, сравнительно, количестве, но клеветники России по-русски не читали, и политические выступления Пушкина и Жуковского оказались только для внутреннего употребления. Гораздо дальше шла частная инициатива. Одним из первых в деле политического использования оды Пушкина оказался С. С. Уваров, президент Академии наук, пробиравшийся в это время к министерскому портфелю. В сентябре 1831 года он находился в Москве и здесь «вдохновился» одой Пушкина. 29 сентября А. Я. Булгаков писал из Москвы своему брату в Петербург: «Сергей Уваров читал прекрасно им сделанный на французский язык перевод Пушкина стихов: «Клеветникам России». Я не могу насытиться чтением прекрасного этого произведения: и стихи, и чувства прекрасные. Пушкин никогда не любил ляхов.² 8 октября Уваров переслал плод вдохновения Пушкину, при следующем письме: «Инвалид, давно забывший путь к Парнаксу, но восхищенный прекрасными, истинно народными стихами Вашими, попробовал на деле сделать им подражание на французском языке. Он не скрывал от себя всю опасность борьбы с вами, но вами вдохновенный, хотел еще раз, вероятно в последний, завинтить свой Европейский штык. Примите благосклонно сей опыт и сообщите оной В. А. Жуковскому». Пушкин ответил 21 октября Уварову письмом комплиментарным и исполненным проныи: «Князь Дундуков доставил мне прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было Вашей

¹ Первая часть этой статьи печатается здесь впервые, вторая — первоначально в «Пушкин и его современники», вып. VII, стр. 60—64.

² «Русск. Арх.», 1902 г., кн. 1, стр. 93.

скромности назвать подражанием. Стихи мои послужили Вам простою темою для развития гениальной фантазии. Мне остается от сердца Вас благодарить за внимание мне оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мне присвоенных Вами».

В академическом издании переписки Пушкина вслед за письмом С. С. Уварова напечатан и французский перевод «Клеветникам России» с заголовком «*Au calomniateurs de la Russie 16 Août 1831, trad. d'A. Pouchkine*». Обращаясь к переводу, мы должны констатировать, прежде всего, что мы имеем здесь дело именно с переводом, не везде точным, но только переводом, а отнюдь не («подражанием»), как характеризовал свой опыт сам автор. И потому представляется весьма странным содержание отзыва Пушкина о стихах Уварова: Пушкин утверждает, что его стихотворение явилось лишь простой темой для Уварова, и что Уваров присвоил ему, Пушкину, свои мысли. В таком случае, письмо Пушкина к Уварову надо считать совершенно неприкрытой и дерзкой насмешкой над Уваровым, но в 1831 году в отношении Пушкина к Уварову еще не было никаких тeneвых сторон, никаких поводов к их обострению. Надо искать иных объяснений казусному несоответствию перевода оды отзыву Пушкина.

Наше недоумение умножается еще и следующим обстоятельством: второй том «Переписки» Пушкина, в котором напечатан перевод Уварова, появился в печати в 1908 году, а в 1915 году в вып. XXI-XXII «Пушкин и его современники» М. А. Гофман напечатал найденный им во Вревском архиве французский перевод оды Пушкина, сделанный бароном П. А. Вревским. Но ни Гофман, и ни кто из исследователей не обратил внимания на то, что текст перевода Уварова совершенно тождествен с текстом перевода. Вопрос запутывается: принадлежит ли Уварову тот перевод, который напечатан в «Переписке» при письме Уварова к Пушкину, или он сделан Вревским и находился только в бумагах Пушкина.¹ Но перевод или именно подражание Уварова не исчезло для потомства. Труд Уварова обнаружился в секретной части архива III отделения.

В тот самый день, когда Уваров посылал свой опыт Пушкину, 8 октября 1831 года—он направил его и начальнику III отделения генералу А. Х. Бенкендорфу, при французском письме, которое мы даем в переводе:

«Прекрасные стихи Пушкина, озаглавленные «Клеветникам России», породили во мне желание дать им перевод или

¹ Письмо Уварова к Пушкину и перевод оды напечатаны впервые В. Я. Брюсовым в его книге «Письма Пушкина и к Пушкину» М. 1903 г., стр. 100—102. Но из описания Брюсова неясно, является ли перевод написанным на той же четвертке, на какой написано само письмо, или на отдельном листке. Где находится в настоящее время подлинник, неизвестно.

вернее подражание на французском языке: это единственный способ доставить их по адресу. Не придавая никакой важности этому опыту, я имею честь при сем препроводить его вам, мой дорогой генерал, предоставляя вам судить, заслуживает ли это подражание счастья быть представленным на воззрение его величества. Я не решился предать тиснению эти стихи, не зная, соответствует ли видам нашего кабинета оглашение довольно резкой пьесы; те, кто кричат на улицах Парижа: «смерть русским», не заслуживают особого внимания, это правда, но хотя подлинное произведение и было напечатано, я почел бы лучше впредь до нового повеления оставить перевод в рукописи. Примите уверение» и т. д.

Познакомимся и с подражанием сначала в подлиннике.

«AUX DÉTRACTEURS DE LA RUSSIE

Imitation libre de Pouchkine.

Tribuns audacieux, orateurs populaires,
Le colosse du nord excite vos fureurs;
Laissez là, croyez moi, vos absurdes clameurs,
Les Slaves opposés à des Slaves leurs frères
Ne vous demandent pas d'irriter leurs douleurs;
Au foyer paternel c'est un débat antique,
Issus de même race, ennemis dès longtems,
Les peuples divisés, tour à tour triomphans,
Combattent par instinct et non par politique.
Jamais sous un drapeau les a-t-on vus s'unir?
Le sarmate inquiet et le Russe fidèle
Ont à vider entre eux leur sanglante querelle;
S'il faut que l'un succombe, est-ce à nous de périr?
L'un perdra-t-il son nom, ou l'autre son Empire?
Pour que l'un d'eux triomphe, il faut que l'autre expire
Et le monde ébranlé ne peut les contenir;
Voilà tout le débat!—gardez donc le silence,
Etrangers à nos mœurs, entrangers à nos lois!
Dans ce drame imposant votre impuissante voix
N'est qu'une insulte à cette lutte immense;
Vous ne connaissez pas nos griefs, nos malheurs,
Nos fastes arrosés et de sang et de pleurs,
Nos triomphes d'un jour, nos haines séculaires;
Praga, Moscou muet et solitaires
Ne vous remplissent pas d'un morne et saint effroi...
Que sert de prodiguer à ce colosse-roi
Vos invectives surannées?
N'a-t-il pas dedaignant de lâches destinées
Aux flammes de Moscou répudié la loi
Du tyran qui foulait vos aigles enchaînées?

Serait-ce pour avoir naguère en vos remparts
Respecté vos travaux, vos monumens, vos arts,
De l'esprit et du gout merveilles éclatantes;
Nous qui vainqueurs venus des bouts de l'univers
Au pied de la Colonne établissant nos tentes
Au prix de notre sang, avons brisé vos fers?
Déclamateurs fougueux, descendez dans l'arène;
Voyons, le vieux Géant est-il tout épuisé?
Du glaive d'Ismaÿl le fer est-il brisé?

La voix du Tsar retentit-elle à peine
Dans le monde civilisé?

Avons nous donc perdu nos droits à la victoire?
Comptons-nous peu de bras?—A l'appel de la gloire
Savez vous que des flancs du Caucasse orageux
Jusques aux bords glacés où la nature expire,
Comme un seul homme armé, vingt peuples généreux
Vont s'élancer dans la carrière?

Franchissant des climats l'éternelle barrière,
S'ils venaient vos guerriers, Rhéteurs ambitieux,
S'ils venaient dans ces champs, où reposent leurs frères,
Pres de leurs tertres funéraires
Bientôt ils dormiraient comme eux.

Даем и точный (буквальный, не литературный) перевод подражания:

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Свободное подражание Пушкину

Смелые трибуны, народные ораторы,
Северный колосс возбуждает вашу ярость;
Оставьте, поверьте мне, ваши нелепые вопли,
Славяне, спорящие со своими братьями славянами,
Не просят вас усиливать их страданий;
У отечественного очага это старый спор,
Происходящие от одной расы, враги с давнего времени,
Враждебные народы, поочередно торжествующие,
Враждуют по инстинкту, а не из-за политики.
Видели ли когда-нибудь, чтобы они объединились под одним
знаменем?

Беспокойный сармат и верный русский
Должны решить между собою свой кровавый спор.
Если необходимо, чтобы один пал, нам ли придется погибнуть?
Потеряет ли один имя, или другой свою власть?
Для того, чтобы один из них восторжествовал, нужно чтобы
другой умер.

И расшатанный мир не может их удержать.
Вот весь вопрос! — храните же молчание,
Чуждые нашим правам, чуждые нашим законам,

В этой великой драме ваш бессильный голос
Только оскорбление этой безмерной борьбы;
Вы не знаете наших обид, наших несчастий,
Наших летописей, орошенных и кровью и слезами,
Наших мимолетных успехов, нашей вековой вражды.

Прага, Москва, немые и безмолвные,
Не наполняют вас угрюмым и святым ужасом.....

За что расточать этому колоссу-царю

Ваши старые поношения?

Не он ли, презирая злой рок,

Среди пламени Москвы, отверг закон

Тирана, который попирает ваших скованных орлов?

За то ли, что недавно в ваших владениях

Уважал ваш труд, ваши памятники, ваше искусство,

Блестящее умом и чудесным вкусом;

Мы, пришедшие победителями с концов вселенной,

У подножья Колонны устанавливая наши палатки,

Ценою нашей крови, разве не разбили ваши оковы?

Рьяные витии, выходите на арену;

Разве старый богатырь совершенно истощен?

Разве сломан железный меч Измаила?

Разве голос царя едва слышится

В цивилизованном мире?

Разве мы потеряли наши права на победу?

Разве у нас мало рук?—На призыв славы,

Знаете ли вы, что от границ грозного Кавказа

До ледяных берегов, где природа замирает,

Как один вооруженный человек, двадцать смелых народов

Кинутся в бой?

Преодолевая климатов вечную преграду,

Если бы пришли ваши войны, честолюбивые витии,

Если бы пришли они на эти поля, где покоятся их братья,

Около их могильных насыпей

Скоро уснули бы они, как и те.

Нет никакого сомнения, что перед глазами Пушкина находилось именно это свободное подражание, когда он в письме своем благодарил Уварова за присылку его стихов, «за силу и полноту великодушно присвоенных ему, Пушкину, мыслей», и выражал признание, что его ода послужила простой темой для свободного подражания Уварова. Не приходится удивляться тону легкой и злой иронии, которую не в силах сдержать Пушкин в ответе Уварову. Конечно, Пушкин мог быть только неприятно поражен теми результатами, к которым привело Уварова логическое развитие мыслей, прокламированных в оде: «Клеветникам России». «Для того, чтобы восторжествовал один из народов, нужно, чтобы погиб другой». Так далеко Пушкин не шел в своих «шинельных» стихах.

О свободном «подражании» Уварова Пушкин вспомнил 10 ноября 1836 года — в тот момент, когда он находился в сильном волнении после получения пасквильных писем, вызвавших роковой поединок. Князь Н. Б. Голицын прислал Пушкину свой перевод «Клеветникам России». ¹ Пушкин 10 ноября ответил ему: «Тысячу раз благодарю вас, любезный князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, брошенного в неприятелей нашего отечества. Я видел уже три перевода, из которых один принадлежит лицу высокопоставленному из моих друзей, но все не стоят вашего. Зачем не перевели вы этой пьесы более во-время; я переслал бы ее во Францию, чтобы дать щелчок всем возгласам палаты депутатов». ² В это время отношения Пушкина к *un puissant personnage*, т. е. к Уварову были уже безнадежно испорчены «одой к Лукуллу». ³ Но самое замечательное в истории перевода-подражания Уварова. — Генерал Бенкендорф ответил Уварову, что он не должен печатать своих стихов, а может ограничиться их распространением в частном кругу. Таким образом и политика Уварова не дошла до «Клеветников России».

II

Не столько интересен печатаемый ниже самый перевод «Клеветникам России», сколько обстоятельства, вызвавшие его появление в России. Он прислан был в начале 1832 года русским дипломатом графу Нессельроде, нашему министру иностранных дел, при следующем письме, на половину официальном, на половину частном. Письмо написано по-французски; ограничиваемся только переводом.

Его сиятельству господину графу Нессельроде.

Господин граф!

Вы найдете странным, без сомнения, что я осмеливаюсь заменить обычное содержание служебного рапорта политическим произведением, но мы так наводнены статьями, наполненными самой гнусной клеветой, выливаемой беспрестанно на Россию

¹ В печати этот перевод появился уже после смерти Пушкина *Aux détracteurs de la Russie, trad. de Pouchkine par le traducteur du Герцаг. Moscou 1839.*

² Письмо к Голицыну напечатано впервые в «Библиогр. Записках» 1858, т. I стр. 497. Ср. «Переписка» т. III, № 1098, стр. 406.

³ См. не очень точные соображения Н. В. Измайлова о трех известных Пушкину переводах, в книге «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Ленинград 1927, стр. 132—133.

Кстати в моем распоряжении имеется находившийся в бумагах Пушкина прозаический перевод «Клеветникам России», анонимный и ничем не замечательный. Ср. также сообщения о переводах в книжке *Pouchkine A. S. Aux calomnieux de la Russie. Trad. par le Dr Alexis Lupus S. Ph. 1894.*

некоторыми газетами и особенно зажигательным листком «West-Bote», печатаемом в Баварии, что с поспешностью набрасывается на каждое произведение, созданное, чтобы освежить сердце. Это произведение полно образов и вдохновения. Я не думаю, чтобы перевод был ниже оригинала; это противодие против зловредных излияний (élucubrations) наших немецких якобинцев.

Как бы то ни было, решительное (présidiale) представление, сделанное в последних заседаниях сейма, по общему соглашению между Австрией и Пруссией, обуздает, наконец, я надеюсь, наглость прессы, которая не знает больше узды в большей части областей Союза. Первые постановления коснутся Бадена, который подал самый пагубный пример, декретировав законом неограниченную свободу печати, не обращая внимания на обязательства (obligations), которые правительство определенно заключило в 1819 году. Если постановления сейма будут приведены в исполнение, то великий герцог будет вынужден отменить упомянутый закон и этим поставит себя в трудное положение между страной и Союзом. Тогда он почувствует трудность того положения, в которое поставил его якобинский министр, которому он уступил скорее по робости, слабости и неопытности, чем по принципу.

Имею честь быть с глубочайшим уважением
господин граф,
вашего сиятельства
покорнейшим и почтительнейшим слугою

А н с т е т .

А вот и самый перевод, который должен был утешить русского министра.

An Rußlands Lästlerer von Puschkin.

Was tobt Ihr auf den Rednerbühnen,
Woher der Groll, mit dem Ihr gegen Rußland schäumt?
Vielleicht, weil Litwa sich in wildem Aufstand bäumt?
Es ist der Clauen Fehde, überlaßt sie ihnen,
Sie ist verjährt wie dieses Volks Geschichten;
Nicht Euch gebührt es sie zu schlichten;
Sie kündet schon der Vorzeit Tage,
Des Alterthumes Brüder Zwist,
Bald schwankte so, bald so die Wage,
Bald siegte Tapferkeit, bald List,
Wen krönt am Ziel der blut'ge Kampfgewinn?
Des Polen Troß, des Russen treuen Sinn?
Soll aller Clauen Bächlein Heer
Den Weg zum Russen-Meere finden?

Wie? oder soll dies Riesen-Meer
 In einen Regen-Tropfen schwinden?
 Laßt uns! Euch wurden sie nicht kenntlich.
 Die Blut-Urkunden grauer Zeit
 Euch bleibt er fremd und unverständlich
 Der alternde Familien-Etreat.
 Des Kreml's und Pragas stummes Mahnen
 Vernehmst ihr nicht. Vom Bürger-Krieg,
 Berauscht, schwingt Ihr des Aufruhrs Fahnen,
 Sinnlos, und neidet uns den Sieg.
 Warum? Gesteht es! Ist's vielleicht,
 Weil wir auf Moskwas Brand-Ruine
 Nicht huldigten dem Mann, vor dessen bloßer Miene
 Ihr schon gezittert und erbleicht?
 Weil wir mit nie gebeugtem Muth
 Den Götzen stürzten, der die Throne unterjocht,
 Und weit der Russe mit des Herzes-Blute
 Europa Freiheit, — Ihr und Frieden einst erfocht?
 Ihr dräut mit Worten uns! — Leibt Thaten Euerem Witze,
 Ist etwa von der Rast des Ritters Arm erschlafft,
 Ist stumpf des Ismail'schen Bajonettes Spitze,
 Hat Rußlands Kaiser-Wort nicht mehr gewohnte Kraft?
 War mit Europa denn etwa der Kampf uns neu?
 Wie! oder ward der Sieg den Russen ungetreu?
 Sind wir zu schwach? — Von Perm zu Tauriens Gestaden,
 Von Finnlands Felsenhort, bis Kolchis Lorbeer Pfaden,
 Vom Kreml, der fest in Flammen stand
 Bis zu des starren Ghinas Wand,
 Wird nicht, von Waffenglanz umgeben
 Ruthenia sich jugendlich erheben?
 Entsendet Euren Redner Bühnen
 Der wuthentbrannten Jünger-Schaar!
 Gern bietet Rußland Etätten ihnen
 Im Kreise traurer Gräber dar!

Am August 1851.

Необходимо сделать некоторые пояснения. Автор письма — барон Иван Осипович Анстет (1770 — 1835), один из видных русских дипломатов, в начале тридцатых годов был нашим чрезвычайным посланником и полномочным министром при Германском Союзе, во Франкфурте на Майне, при дворе Штуттгартском и, наконец, при Гессен-Кассельском дворе. Времена были трудные: русская дипломатия, следуя внушениям Меттерниха, вдохновляла и поддерживала западно-европейскую реакцию. После польского восстания рвение русских дипломатов еще более усилилось. Но революция 1830 года дала некоторый успех немецким либералам, и как раз в Бадене и Баварии обнаружилось даже оживление политической жизни, смягчение

цензурных строгостей. Радикальная пресса стала печатать многочисленные статьи, крайне враждебные русским и сочувственные полякам. С подавлением польского восстания союзный сейм вновь обрел силу бороться с печатью.

В июне-июле 1832 года сейм издал ряд постановлений, уничтожавших свободу печати. Эта перемена особенно тяжело отозвалась на Бадене. Великий герцог Баденский Леопольд 24 декабря 1831 года утвердил принятый палатой закон о свободе печати, но под давлением сейма 28 июля 1832 года объявил его недействительным. Те министры, которые больше других содействовали прогрессивным реформам (Велькер) должны были уйти. Об этом положении дел и упоминает Анстет.

Столь неприятный русскому дипломату листок «Westbote» издавал как раз один из якобинцев, по выражению Анстета, известный политический писатель и один из передовых бойцов в немецком победительном движении д-р Ф. Я. Зибенпфейффер (1789 — 1845), испытавший многочисленные преследования, в том числе и тюремное заключение. «Westbote» выходил с апреля 1831 года, подвергаясь неоднократным конфискациям, а 2 марта 1832 года союзным сеймом издание было запрещено, и Зибенпфейфферу на 5 лет было воспрещено заниматься редактированием подобных изданий. Правда, баварское правительство разрешило ему продолжать издание после его заявления о согласии подчиниться правительственной цензуре.

О самом переводе можно сказать только то, что он далеко не на высоте подлинника. Переводы этого же стихотворения, сделанные Боденштедтом и Фидлером, много лучше.